

Тело:
у каждого своё

Тело: у каждого своё

ЗЕМНОЕ, СМЕРТНОЕ, НАГОЕ, ВЕРНОЕ
В РАССКАЗАХ СОВРЕМЕННЫХ
ПИСАТЕЛЕЙ

РЕДАКЦИЯ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЕЛЕНА АСТ
ШУБИНОЙ МОСКВА

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Т₃₁

Автор идеи ЕЛЕНА ШУБИНА

Составитель ВЕРОНИКА ДМИТРИЕВА

Художник АНДРЕЙ БОНДАРЕНКО
В оформлении переплёта использован фрагмент картины
ВИКТОРА ПИВОВАРОВА «Вике»

Книга иллюстрирована графикой ЕВГЕНИИ ДВОСКИНОЙ

Т₃₁ Тело: у каждого своё. Земное, смертное, нагое, верное в рассказах современных писателей /
Сост. Вероника Дмитриева. — Москва : Издательство АСТ : Редакция Елены Шубиной, 2024. —
509, [3] с.: ил. — (Москва: место встречи).

ISBN 978-5-17-159875-4

Новый сборник «Редакции Елены Шубиной» продолжает традиции бестселлеров «Москва: место встречи», «В Питере жить», «Птичий рынок» и «Без очереди».

О теле и телесности рассказывают современные авторы. Евгений Водолазкин, Татьяна Толстая, Алексей Сальников, Марина Степнова, Алексей Варламов, Майя Кучерская, Дмитрий Данилов, Саша Николаенко, Денис Драгунский, Анна Матвеева, Юрий Буйда, Алла Горбунова и многие другие пишут о том, что случается, когда человек слишком озабочен своим телом и когда совсем забывает про него.

Издание иллюстрировано рисунками Евгении Двоскиной.

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-159875-4

- © Водолазкин Е.Г., Степнова М.Л., Толстая Т.Н. и др., тексты
- © Бондаренко А.Л., художественное оформление
- © Пивоваров В.Д., иллюстрация
- © Двоскина Е.Г., иллюстрации
- © ООО «Издательство АСТ»

Содержание

МАРИНА СТЕПНОВА	
Кулёма	11
АЛЕКСЕЙ ВАРЛАМОВ	
Партизан Марыч и Великая степь	21
САША НИКОЛАЕНКО	
Добрая сказка	37
АЛЕКСЕЙ САЛЬНИКОВ	
Водоплавающая кошка	45
ЮРИЙ БУЙДА	
Йолотистое моё йолото	57
ЕВГЕНИЯ НЕКРАСОВА	
92 кг	69
МАЙЯ КУЧЕРСКАЯ	
Пионы	83
АЛЕКСАНДР АРХАНГЕЛЬСКИЙ	
Крупный план	99
ВЕРА БОГДАНОВА	
Антитело	109
ЕВГЕНИЙ ВОДОЛАЗКИН	
Чьё тело?	121
СЕРГЕЙ ШАРГУНОВ	
Кровинка	131
АЛЛА ГОРБУНОВА	
Здесь, при жизни	141
МИХАИЛ ТУРБИН	
Рыбка	149
АННА МАТВЕЕВА	
Красавица	159

АННА ЧУХЛЕБОВА	
Теснота	171
ДМИТРИЙ ДАНИЛОВ	
Автомат Калашникова	181
АРСЕНИЙ ГОНЧУКОВ	
Его дневник	189
АСЯ ВОЛОДИНА	
Безымянный	199
ДАША БЛАГОВА	
Родинка	209
ЕЛЕНА КОЛИНА	
Член шайки, или История одной любви	219
АЛЕКСЕЙ ФЕДОРЧЕНКО	
Населённые пункты	233
ГРИГОРИЙ СЛУЖИТЕЛЬ	
“Реплика”	243
ОЛЬГА БРЕЙНИНГЕР	
Поллок и Брейгель	255
ТАТЬЯНА ТОЛСТАЯ	
Про испанцев, еду и любовь	273
ТИМУР ВАЛИТОВ	
Последний раунд	277
ВАСИЛИЙ АВЧЕНКО	
Отец Мороз	287
ТАТЬЯНА ЗАМИРОВСКАЯ	
Кк	297
АСЯ ДОЛИНА	
Тег	319
ЕКАТЕРИНА МАНОЙЛО	
Мы с тобой одной крови	333
ТАТЬЯНА СТОЯНОВА	
По контуру тела	351
ЕЛЕНА ХОЛМОГОРОВА	
Какого цвета аленький цветочек	359

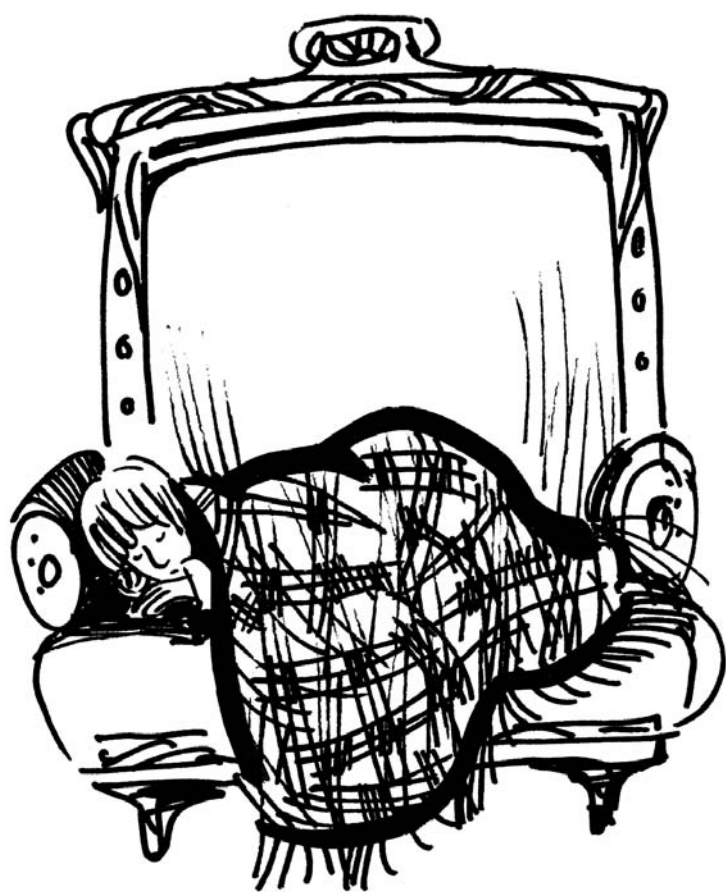
Анна Хрусталёва	
Зинаида Петровна	369
Николай Коляда	
Подтяжка.....	381
Марина Москвина	
Хрустальный желудок ангела	393
Дмитрий Воденников	
Не стыдно	409
Татьяна Щербина	
Шея	415
Елена Посвятовская	
Пятница вечер	423
Денис Драгунский	
После тела	439
Фридрих Горенштейн	
День, оставшийся под обрывом	465
 <i>Об авторах</i>	 503

*Дано мне тело — что мне делать с ним,
Таким единым и таким моим?*

ОСИП МАНДЕЛЬШТАМ

МАРИНА СТЕПНОВА

Кулёма

Выходили всегда в сумерки. Летом и вообще по суху и теплу добирались быстро: переулок, ещё один, мимо Щепного рынка — и на углу Среднемосковской и Малой Дворянской сразу направо. А зимой насилу плелись в густой мозглой темноте, лилась под ноги накатанная масляная дорожка, Саня отставал, спотыкался и всё ныл сквозь шали и башлыки. Канючил сказку.

Мама! Мама... пожалуйста!

Vas-y! Plus vite!*

И даже не оборачивалась. Только протягивала назад, не глядя, муфту, маленькую, круглую, пахнущую мокрой щенячьей шерсткой.

Не догнать, не дотянуться. Нет.

Пожалуйста, мама, ну сильвупле...

Заходили всегда задами, так и не дойдя до молочно-матовых круглых фонарей у парадного подъезда, подле которого вечно караулили две чёрные дежурные кареты.

Просят г.г. приезжающих не обращать внимание на извозчиков и других лиц, уверяющих, вследствие своих выгод, о неимении в гостинице свободных номеров, ремонте и других причинах.

Сугробы, сугробы. У чёрного хода — выше головы. А между ними — тропинка. Не тропинка даже — мышиный лаз. Нет, обстучи сперва валенки. Топ-топ. Дверь распахивалась, выпуская облако тяжёлого съедобного пара: целую секунду нечем дышать, хватаешь воздух немим разинутым ртом, а мама, растёгиваясь на ходу, уже идёт по коридору, высокому, узкому, впору жирафу гулять, и вслед за ней, то обгоняя, то отставая, спешит drobный звук невидимых быстрых ножей, парадный грохот кастрюль. Ежевечерняя радостная канонада.

* Давай! Иди быстрее! (*фр.*).

Гром победы, раздавайся!

Саня бросался следом, отдуваясь, маленький, неловкий, путаясь в настырных, плотных запахах. Пузырящееся жареное тесто, жир, ворчащий в громадных сковородах. Мясо — отбивное, рубленое, копчёное, остренькое, со слезой. Влажная, перламутровая на срезе осетрина. Тинные шевелящиеся раки.

И вдруг — нежно, неожиданно — свеженатёртая лимонная цедра.

До конца коридора он доходил взмокший от жары и с завистливо бурчащим животом, хотя всякий раз перед выходом из дому плотно ужинал. Картофель дофине, запечённый с молоком и сыром. Чуть подсохший калач. Холодная буженина. Не глотай как гусь. Не подноси нож ко рту. Это неприлично. Да нет же, не сюда, приборам место на porte-couteau*.

Сама не ела никогда, не садилась даже и всё ходила, ходила по комнате, трогая гладко и высоко убранные волосы, да гудела изредка, не разжимая губ и напрягая хрупкое горло.

Ммммммм. Ммммммм. Ммммммаааааа. Ммммммаааааа!

Будто сама себя окликала.

Распевалась.

Ты закончил? Прибери за собой со стола. И собирайся. Не то опоздаем.

К их приходу уборную уже отпирали. Здесь тоже было натоплено до ломоты в висках, но от окна к печи ходила тонкая извилистая лента сквозняка, и запахи, кроме самых наглых, вроде жарено-лукового, оставались за дверью. Пока Саня, шумно втягивая хлынувшие после холода сопли, выпутывался, слой за слоем, из зимнего, неудобного, волглого изнутри — сам-сам, порядочный человек должен всё уметь делать сам, — мама зажигала керосиновую лампу под круглым розовым абажуром, потом ещё одну, такую же. Ставила обе на трюмо. Садилась. Разглядывала себя, зазеркальную, придиричиво, как чужую. Растирала холодные щёки, лоб, всегда бледные, будто бескровные, даже с самого сильного мороза. Раскладывала таинственные коробочки, щётки, палочки жирного грима.

* Часть сервировки, специальная подставка для столовых приборов.

Белый. Красный. Синий. Чёрный.

И как Саня ни старался угадать, начинала всегда неожиданно, вдруг.

Жила-была на свете одна девочка. Хотя нет, две. Жили-были две девочки, две принцессы. Одна настоящая, а другая нет. У настоящей принцессы были голубые глазки и волосы — как самый лучший золотой шёлк. А у ненастоящей принцессы волосы были чёрные как сажа и душа тоже чёрная-чёрная. Нет. Души у неё не было вовсе.

Мама трогала нежные губы кончиком карминового, словно окровавленного пальца, ещё раз и ещё. Как будто вбивала. Чмокала негромко — целовала воздух, и Саня невольно сглатывал горькое, шерстяное, липкое. Ревновал. Его мама не целовала никогда. И себя не позволяла. Что за несносные нежности? Прекрати немедленно. Ты всю меня обсюнявил.

Потом мама придвигала баночку сухих румян. Дула на жутковатую заячью лапку. Скулы. Виски. Немного на подбородок. Из теней и пятен начинало складываться новое лицо, тоже красивое, но как будто не совсем мамино, чужое.

Отцом ненастоящей принцессы был злой колдун. Жил он на самой вершине серой скалы. И сам был серый: и лицо, и руки, и губы, и душа — всё серое. Только глаза сверкали, красные как кровь, и видел он ими всё, что творилось на земле, и под землёй, и даже на небе... И спрятаться от колдуна можно было, только крепко-крепко зажмурившись!

Саня послушно зажмурился, сжимался от счастливого ужаса. А когда открывал наконец глаза, мама уже была за ширмами, по которым вились похожие на раскрытые портновские ножницы драконы. Мама шелестела, шуршала, вскидывая вверх то одну голую руку, то другую. На ширмах появлялись и исчезали волны лёгкой полупрозрачной ткани, юбки, ленты, даже чулки, а Саня, сидя на кушетке и сам не замечая, что раскачивается, всё слушал и слушал про колдуна и про чёрную птицу, на которой колдун летал по свету, про двух принцесс, и сказочный замок, пахнущий яблоками, и про то, как колдун однажды заколдовал настоящую принцессу, превратил её в статую, холодную, твёрдую, неживую, вот только внутри статуя эта всё-всё чувствовала, и, когда по но-